Digital Library (repository) of Tomsk State University http://vital.lib.tsu.ru

ПРИБАВЛЕНІЕ КЪ № 111

СИБИРСКАГО ВѢСТНИКА.

Телефонъ редактора № 20. Телефонъ конторы и типографіи № 20.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ. ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

на

„СИБИРСКІЙ ВѢСТНИКЪ"

ВЪ 1891 ГОДУ.

Въ 1891 г. «Сибирскій Вѣстникъ» выходитъ три раза въ недѣлю: по воскресеньямъ, середамъ и пятницамъ. Въ остальные дни будутъ выходить, въ предѣлахъ редакціонной возможности, преимущественно по субботамъ, *ПРИБАВЛЕНІЯ*, за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ и времени осенняго и весенняго осерзанья почтъ, когда будутъ выпускаться только телеграммы «Сѣвернаго Агентства» для городскихъ подписчиковъ.

Въ Прибавленіяхъ періодически помѣщаются свѣдѣнія о золотопромышленности, заключающія въ себѣ всѣ распоряженія правительства, касающіяся золотаго промысла: свѣдѣнія о приискахъ, отошедшихъ въ казну, назначенныхъ къ торгамъ и подлежащихъ залогу, и всѣ объявленія горнаго начальства Восточной и Западной Сибири. Кромѣ того, тутъ-же помѣщаются торговыя свѣдѣнія и курсъ на ассигнаціи на золото

Подписная цѣна:

Годъ—9 р., 11 м.—8 р. 50 к., 10 м.—8 р., 9 м.—7 р. 50 к., 8 м.—7 р., 7 м.—6 р. 25 к., 1/2 г.—5 р., 5 м.—4 р. 50 к., 4 м.—4 р., 3 м.—3 р., 2 м.—2 р. 50 к. и 1 м.—1 р. 25 к.

Подписка принимается: 1) Въ Томскѣ: Въ Главной конторѣ редакціи «Сибирскаго Вѣстника», Соборная улица, домъ Корнилашевой, съ 8 до 2 час. утра и съ 4 до 8 часовъ вечера, и въ «Сибирскомъ Книжномъ Магазинѣ» Мизерёнова и Макушина. 2) Въ Отдѣленіяхъ Конторы: Красноярскъ—библіотека Кожевниковъ; Иркутскъ—уполномоченный Б. Л. Лейбовичъ.

Редакторъ-издатель Б. П. КАРТАМЫШЕВЪ.

ТИПОГРАФІЯ

МАРІИ ѲЕДОРОВНЫ КАРТАМЫШЕВОЙ,

доводитъ до свѣдѣнія публики, что ею полученъ

транспортъ

нашитыхъ карточекъ самыхъ разнообразныхъ новѣйшихъ фасоновъ и достоинствъ, меню, свадебные билеты, картъ-паке, и проч.

СОДЕРЖАНІЕ.

Мѣсяцесловъ.
Телеграммы.
Нижегородская ярмарка.
Внутренняя хроника.
Заграничная хроника.
Справочные свѣдѣнія.
Фельетонъ: Одна изъ многихъ.

МѢСЯЦЕСЛОВЪ.

Суббота, 28 сентября.

Харитона испов. Ирр. Варуха. Мм.: Александра, Алфея, Зосимы, Марка, Никона, Неона, Изидора, Вячеслава, кн. чеш.

ТЕЛЕГРАММЫ.

«Сѣвернаго Телегр. Агентства».

Петербургъ, 25 сентября. «Новое Время» передаетъ слухъ о намѣреніи Датской королевской четы посѣтить въ октябрѣ Крымъ.

— Газеты сообщаютъ, что въ концѣ октября будутъ введены въ дѣйствіе вновь составленные тарифы на перевозку керосина.

— По слухамъ, идутъ подготовительныя работы для заключенія торговыхъ договоровъ съ Италіей и Франціей. Взамѣнъ извѣстныхъ льготъ для товаровъ этихъ странъ, не могущихъ обременить нашу промышленность, договоры эти предоставятъ Россіи льготы, по ввозу туда хлѣба, продуктовъ животноводства и другихъ.

— 26 сентября. Вчера представлялась министру финансовъ депутація отъ банковъ Учетнаго, Международнаго, Волжско-Камскаго и Русскаго для внѣшней торговли, представившая адресъ съ заявленіемъ желанія отчислить изъ прибылей текущаго года по 12,500 р.,—всего 50,000 р. въ пользу по страдавшихъ отъ неурожая. Министръ благодарилъ депутацію и, указавъ на многочисленныя пожертвованія со всѣхъ сторонъ, сказалъ, что положитъ Государю Императору о великодушномъ поступкѣ банковъ.

— «Новое Время» сообщаетъ, что Главное Тюремное Управленіе предполагаетъ въ теченіе текущаго и будущаго годовъ закончить тюремную реформу во всѣхъ губерніяхъ Европейской Россіи и учредить тюремную экспедицію на всѣхъ окраинахъ Имперіи.

Штудгардъ, 25 сентября (7 октября). Въ официальной газетѣ опубликованъ манифестъ, коимъ Вильгельмъ II объявляетъ, что, въ силу закона о престолонаслѣдіи, онъ вступаетъ въ управленіе государствомъ.

Лондонъ, 26 сентября (8 октября). Нинѣшнею ночью скончался въ Брайтонѣ представитель Ирландской партіи, Парнель. Въ пятницу Парнель простудился, послѣ чего у него обнаружился сильный ревматизмъ. За нѣсколько времени до смерти онъ лишился сознанія. Неожиданная смерть Парнеля произвела глубокую скорбь въ Дублинѣ.

Нижегородская ярмарка.

Къ 1 сентября ярмарка фактически окончилась; магазины закрылись, представители крупныхъ фирмъ разъѣхались, остались лишь немногіе, невольно задержанные далеко небластящими разсчетами. Только торгующіе въ розницу сидѣли въ пустыхъ почти лавкахъ, ожидая традиціоннаго 8 сентября, а за отсутствіемъ денежныхъ покупателей и въ раздробительной продажѣ должны были отдавать въ кредитъ весьма значительную часть привезенныхъ товаровъ. Даже объявленія *о распродажахъ по дешевымъ цѣнамъ*, не произвели желаннаго дѣйствія, и видно, что публика перестала уже попадаться на эту старую удочку, или-же, деньги совсѣмъ куда то исчезли въ текущемъ году. Съ 1 сентября прекратились засѣданія ярмарочнаго биржеваго комитета, а предсѣдатель его С. Т. Морозовъ уѣхалъ, поручивъ исправленіе своей должности одному изъ членовъ комитета. Почтовое отдѣленіе и телеграфъ остались въ Главномъ домѣ до 8 сентября, но въ послѣдніе дни, пріемъ и отправка корреспонденціи значительно сократились.

Увеселительныя заведенія до послѣднихъ дней ярмарки посѣщались публикою довольно исправно, хотя не замѣчалось прежняго разгула, и очень мало было людей, бросавшихъ въ грязь шальныя деньги. Самымъ большимъ успѣхомъ несомнѣнно пользовались русскія горы, ежедневно привлекавшія тысячи катающихся. Демонстрированный фонографъ дѣйствовалъ плохо и не пользовался успѣхомъ.

Къ концу ярмарки однимъ изъ литераторовъ устроенъ былъ въ пользу голодающихъ такъ называемый *сборъ лавина*, который, при небольшомъ вкладѣ въ 20 к. со всякаго жертвователя, принесъ бѣдняжамъ довольно крупную сумму. Съ подробностями основаній, на какихъ производится этотъ сборъ, почти ни для кого не обязательный, познакомимъ читателей въ другомъ мѣстѣ, считая полезнымъ примѣненіе его въ нѣкоторыхъ экстренныхъ случаяхъ.

Подводя общіе итоги, видно, что всѣ обстоятельства сложились такъ, что давно уже не было такой плохой ярмарки, какъ въ нынѣшнемъ году. Голодъ, а тѣмъ самымъ и безденежье въ 20-ти губерніяхъ Европейской Россіи, не позволяли дѣлать значительныхъ закупокъ на внутренніе рынки, тѣмъ болѣе, что много наличныхъ капиталовъ отвлечено въ текущемъ году чрезвычайно сильно развившеюся хлѣбною спекуляціею. Кромѣ крайнѣ неудовлетворительнаго экономическаго положенія значительной части Имперіи, небывалое обмелѣніе Волги сильно тормозило ярмарочную торговлю. Несмотря на то, что къ концу ярмарки вода нѣсколько прибыла, какъ приводъ такъ и отправленіе товаровъ сопряжены были съ большими затрудненіями и непредвидѣнными расходами, одинаково падавшими на продавцевъ и на покупателей. Задержки и временное прекращеніе правильнаго движенія по главному русскому водному пути, особенно тяжело отзывались на товарахъ небольшой цѣнности, т. е. на сырьѣ. Очень много такихъ товаровъ первоначально назначенныхъ на ярмарку, прибыло туда слишкомъ поздно, или-же, минуя ярмарку, отправлено прямо въ Москву и другіе торговые и промышленные города.

По общимъ отзывамъ, работы по расчисткѣ русла Волги хотя и производятся ежегодно и стоютъ казнѣ большихъ денегъ, но идутъ крайне вяло, неуспѣшно и въ слишкомъ ограниченныхъ размѣрахъ. По мнѣнію компетентныхъ людей, руслу Волги, начиная отъ Нижнего-Новгорода и до Астрахани, угрожаетъ полное засореніе, если въ самомъ непродолжительномъ времени не будутъ исполнены серьезныя работы по расчисткѣ фарватера. Стоимость такихъ работъ, произведенныхъ на вышесказанномъ протяженіи, исчислена приблизительно въ 10 милліоновъ рублей.

Главные ярмарочные обороты, т. е. торговля мануфактурными товарами, составили въ текущемъ году лишь 70% прошлогоднихъ, при чемъ разсчеты были несравненно хуже, чѣмъ въ минувшемъ году. Замѣчалось тоже, что цѣны мануфактуры, продаваемой на ярмаркѣ, были ниже московскихъ. Это довольно странное явленіе объясняется частью конкурренціею между торговыми домами, частью-же худшимъ качествомъ товаровъ, доставляемыхъ на ярмарку. Послѣднее обстоятельство слѣдуетъ считать прискорбнымъ явленіемъ, такъ какъ отпускъ недоброкачественныхъ товаровъ можетъ опять подорвать русскую торговлю со Среднею Азіею, что, по той-же причинѣ, случилось 10—15 лѣтъ тому назадъ и нанесло громадный ущербъ русской промышленности.

Допуская, что на уменьшеніе ярмарочныхъ торговыхъ оборотовъ повліяли такія особо неблагопріятныя обстоятельства, какъ неурожай въ 20-ти внутреннихъ губерніяхъ и мелководье на Волгѣ, нельзя не признать постепеннаго паденія Нижегородской ярмарки, констатированнаго рядомъ статистическихъ данныхъ. Теперь соглашаются съ этимъ фактомъ даже оптимисты, недавно еще утверждавшіе, что ярмарка вовсе не теряетъ своего значенія. Иначе и быть не могло. Съ расширеніемъ сѣти желѣзныхъ дорогъ, немыслимо и невозможно сосредоточеніе всероссійской торговли въ одномъ пунктѣ и въ опредѣленное, сравнительно короткое время года. Еще въ началѣ текущаго столѣтія знаменитая всемірная ярмарка въ Лейпцигѣ, дѣлала обороты, несравненно больше Нижегородской; въ Лейпцигъ стекались милліоны пудовъ товара со всего земного шара; изъ глубины Азіи приходили громадные караваны верблюдовъ, нагруженные азіятскими товарами и уходили съ европейскими. Отъ всего этого осталось лишь преданіе. Лейпцигская ярмарка существуетъ теперь только на бумагѣ. Самыя крупныя торговыя сдѣлки производятся посредствомъ письменныхъ договоровъ, или прямо по записнымъ книжкамъ агентовъ и представителей разныхъ фирмъ, а производители, непосредственно доставляютъ свои издѣлія заказчикамъ, по желѣзнымъ дорогамъ и, по мѣрѣ надобности, въ теченіе всего года. Такая-же судьба постигла уже извѣстную Успенскую ярмарку въ г. Харьковѣ и неизбѣжно угрожаетъ и Нижегородской, останась лишь дѣломъ времени.

Въ настоящее время становится совершенно яснымъ, что Нижегородская ярмарка остается главнымъ торговымъ центромъ только для Азіи и для восточныхъ и сѣверо-восточныхъ окраинъ Россіи. Торговля съ этими странами приняла большіе размѣры и постепенно расширяется, однакожъ и этой торговлѣ окончаніе постройки одной Сибирской желѣзной дороги должно нанести чувствительный уронъ, а такъ какъ одновременно ожидается и расширеніе желѣзнодорожной сѣти въ Средней Азіи, то вопросъ о значеніи и существованіи Нижегородской ярмарки остается, какъ мы говорили, дѣломъ времени и можно считаться для ярмарки—рѣшеннымъ въ отрицательномъ смыслѣ.

Кончая періодическіе отчеты о ходѣ ярмарочной торговли, повторимъ, что давно уже Нижегородская ярмарка не прошла такъ вяло и не дала русскому купечеству такихъ неблагопріятныхъ результатовъ, какъ въ текущемъ году.

ВНУТРЕННЯЯ ХРОНИКА.

Петербургъ. Капитулъ Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ орденовъ заявляетъ, что всѣ кавалеры ордена св. Георгія 4-й степени, съ надписью «за 25 лѣтъ» или «за 18 (или 20) морскихъ кампаній», пожалованные онымъ съ 1-го января 1857 года, нынѣ вступили въ комплектъ пенсіонеровъ.

— Доходность капитала эмеритальной кассы военнаго вѣдомства, достигшаго двадцати милліоновъ и заключающагося въ рентѣ, подлежащей конверсіи, вслѣдствіе этой конверсіи значительно сократилась: говорятъ, что вслѣдствіе этого, въ выдачахъ эмеритуры отставнымъ воинамъ и ихъ семействамъ, произойдутъ нѣкоторыя сокращенія.

— Обращено въ настоящее время особенное вниманіе на необходимость устройства профессіональныхъ школъ и училищъ въ мѣстностяхъ, гдѣ развита горнозаводская промышленность. Для перваго опыта избранъ горный районъ, обнимающій гу-

ФЕЛЬЕТОНЪ „СИБИРСКАГО ВѢСТНИКА".

Одна изъ многихъ.

(*Эскизъ*).

«Напился, какъ сапожникъ»—принято у насъ говорить о человѣкѣ сильно пьяномъ. Это выраженіе долгое время оставало меня въ полной увѣренности, что, коли ты сапожникъ,—такъ ты непремѣнно долженъ быть пьяницей. Почему и откуда появилось такое мнѣніе о поголовномъ пьянствѣ сапожниковъ—я не знаю, но одинъ случай, о которомъ я хочу разсказать, поколебалъ мою вѣру въ поговорку «напился, какъ сапожникъ...»

«Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ». Во дни моей молодости, когда сердце неопредѣленно томилось какимъ-то ожиданіемъ, замирало при построеніи воздушныхъ замковъ, когда жизнь казалась игрушкой, когда все было легкимъ и доступнымъ,—я невольно увлекся собственнымъ воображеніемъ, очерти голову, шелъ въ поле жизни и, какъ неопытный воинъ, мечталъ только о битвѣ... Но вотъ настала желанная минута этой битвы... Тутъ-то вся неподготовка, наивность и неопытность разомъ сдѣлали то, что мнѣ довелось голодать... Такія трудныя минуты, когда судьбой человѣка—по народному выраженію—располагаетъ Богъ, заставили меня покориться своей участи и изъ довольно хорошей обстановки—перейти въ бѣдное семейство сапожника Василія Семеновича Вавилова...

Двѣ маленькія комнатки, которыя занимали Вавиловъ съ женой и дочерью,—содержались довольно опрятно. Съ разсвѣтомъ мать и дочь начинали стряпню и уборку, такъ что въ семь часовъ, когда просыпался Василій Семеновичъ,—вычищенный самоваръ уже шумѣлъ на столѣ во всю ивановскую... Мы спали въ передней горенкѣ съ Вавиловымъ, а кухню занимали наши дамы...

— Вставай, Василь-Семенычъ! Чай пить надо-ть—будила жена своего благовѣрнаго: «Вставай! вонъ и баринъ проснулся», указывая на меня и хлопоча у самовара, говорила она громко. Мы поднимались, умывались, молились Богу и садились молча за столъ... Послѣ двухъ, трехъ стакановъ, Василій Семеновичъ закуривалъ трубку махорки и начиналъ день стереотипной въ ихъ семьѣ фразой:

— Охъ-хо-хо... Будемъ говорить, день-то ничего—славный! Дай Богъ работы побольше... Ты, Маша, коли убралась, такъ надо вонъ башмаки прострочить... молодимъ-то,—ласково улыбаясь, говорилъ онъ дочери, миловидной дѣвушкѣ, лѣтъ 17. Та молча опрокидывала чашку, клала на дно ея огрызокъ сахару и садилась у окна за работу. Мать, Дарья Петровна убирала самоваръ, чашки, Вавиловъ садился на свое мѣсто и начиналъ тачать какіе набудь башмаки или сапоги...

Любилъ я, лежа въ своемъ уголку, на своей маленькой, жесткой постели, съ папиросой въ зубахъ, наблюдать за отцомъ и дочерью, когда они, погруженные въ свою работу, быстро дѣйствовали проворными, гибкими пальцами... Иногда Василій откладывалъ работу и обращался къ дочери:

— Ну, будемъ говорить... что, у тебя много?

— Кончаю, тятя! Еще вотъ тутъ только!

— Ну, ладно, ладно! Вотъ, барину, будемъ говорить, дѣло наше сапожное... ты сдѣлай скорѣе, а за деньгами, къ примѣру, приди завтра... вотъ они закащики-то... Охъ-хо-хо! медленно говорилъ сапожникъ и снова слышались въ горницѣ только скрипъ дратвы, да постукиваніе молотка...

— Здравствуйте, Василій Семеновичъ, Дарья Петровна... Машенька, здравствуй! Я къ вамъ по дѣлу, съ работой... просто хлопотъ, полонъ ротъ!—быстро заговорила вошедшая толстая, симпатичная баба, клади передъ Вавиловымъ сапоги и садись рядомъ съ Машей...

— Здравствуйте, здравствуйте! Какою Богъ милуетъ? Это, будемъ говорить, кому-же сапоги-то? Егору, аль кому?—спросилъ сапожникъ гостью...

— Егору, Семенычъ, ему! Теперь ужь на биржу-то въ пинахъ ѣздитъ, а самъ знаешь, какое время... разнезло, грязь страшенная...

— Надо, къ примѣру будемъ говорить, переда новыя... голенищи-то добрыя... ну, что... справную; дорого по знакомству не возьму... дешево—разсуждалъ, разсматривая принесенную работу, Семенычъ.

— Дѣлай, только поскорѣе, Семенычъ!.. Я вотъ на счетъ дѣла хочу погомонить съ тобой, да съ Дарьей Петровной...—гостья отказывалась и начала монотонными голосомъ:

— Вотъ что хотѣла я вамъ сказать: давно еще вы говорили мнѣ, что Машутку надо-бы въ люди отдать, потому тяжело намъ за фатеру платить, отапливаться... Такъ, и ей мѣсто наша у хорошихъ господъ... Вчера приходитъ это ко мнѣ Прохорова и говоритъ: «не знаешь-ли, Тихоновна, говоритъ, ты дѣвушки какой... судейшѣ надо-ть...» Я и сказала, что пошлю, да вотъ къ вамъ-то затѣмъ и пришла, что не пойдетъ-ли Машутка? Господа добрые, ужъ я знаю—обѣды никакой не будетъ... Думайте, а и вотъ и свою ее... она-то вѣдь тихонькая, Богъ съ ней, слова не скажетъ!

— Что-жь!—разсужливо заговорила Дарья Петровна: «коли господа хорошіе, такъ тутъ и думать нечего! Иди, Машенька! Богъ благословитъ тебя! Только, смотри, будь скромницей, слушайся, угождай, и все хорошо пойдетъ, а нашъ съ отцомъ все-же легче будетъ»...

— Ида! Будемъ говорить, ты уже большая выросла и, къ примѣру, благородство увидишь... Что-жь, ничего, поживи, а не поглянется коли что, къ примѣру, ну и ничего... значитъ, опять домой придешь,—сказалъ Вавиловъ дочери.

Маша встала, отдала оконченную работу, надѣла на себя старенькую шубенку, платокъ, запахнулась и остановилась у двери, ожидая Тихоновну... Та еще не кончила какой-то разсказъ о господахъ и бѣгло работала своимъ языкомъ.

Наконецъ Вавиловъ ухмылялся, наконецъ рѣчь гостья одобряла Дарья Петровна, лаконически приговаривая: «вишь ты!» «ахъ, она язви ей», «на-вотъ!», «а-а-а!»

На миломъ личикѣ дѣвушки я видѣлъ тѣнь тоски... Она какъ бы съ упрекомъ смотрѣла на родителей, какъ бы молча взорокъ молила ихъ не отдавать ее въ чужія люди, какъ бы прощалась съ ними... Мнѣ отъ души жаль было Машу.

— «Разнѣ вамъ не хочется идти на мѣсто?»—тихо спросилъ я.

— «Хочется ли нѣтъ—не спросятъ... боязно, въ первой то...»—прошептала она и отвернулась отъ меня...

Прошелъ мѣсяцъ... Въ это время въ моей жизни произошла перемѣна: я поступилъ въ контору и началъ безбѣдную жизнь... Хотя жалованье мое и позволяло мнѣ имѣть хорошую квартиру и столъ, но отъ Вавиловыхъ я не ушелъ... До сихъ поръ не знаю, что меня влекло къ нимъ: добрый-ли, честный ремесленникъ, чистоплотная-ли хлопотунья хозяйка или голубыя глазки Маши, нарѣдка забѣгавшей «съ мѣста» навѣстить насъ... Машѣ жилось хорошо: барыня добрая, даритъ ее часто, барышня все молчитъ, да ходитъ по комнатѣ... Удалось нѣсколько и пообтесаться Машѣ: она уже не та «тетеха», какой оставила ее натурщица, она теперь довкая, веселая, живая горничная богатаго дома; у ней и подруги все хорошія: Саша—у предсѣдателя экономкой, а Катинька—при холостомъ одинокомъ старичкѣ замѣсто барыни орудуетъ... Весело, съ рѣзвымъ двичьимъ смѣхомъ, разсказывала она намъ о своемъ житьѣ-бытьѣ, какъ она служитъ, какъ ее любитъ барыня, какъ она дала плюху губернаторскому лакею и сказала: «вы невѣжа! необразованный! и вамъ еще и не такъ задну вдругорядь, коли свои галуфоти не оставите!» и какъ такой послѣ уже на приставалъ къ ней съ «кавалиментами»... Да, порядочно развлекъ Маша: теперь ужь ей не хочется, подтыкань платье, помогать матери, мыть полъ или, засучивъ рукава, шнуровать грязное бѣлье въ поганомъ корытѣ...

— А что-же, Маша, вамъ не скучно, не боязно теперь одной у чужихъ людей?—спросилъ я ее.

— Что вы! да разнѣ можно скучать намъ—горничнымъ? Тутъ не до скуки: цѣлый день то барышнѣ, то барину служи, а вечеромъ, когда господъ нѣтъ, идешь къ подругѣ, аи такъ «просвѣжиться» подолъ фартука выйдешь... тутъ къ тебѣ всякіе кавалеры съ каплиментами пристаютъ, а ты отмахиваешься... Смѣху-то съ три ко-

— «Разнѣ вамъ не хочется идти на мѣсто?»—тихо спросилъ я.

— «Хочется ли нѣтъ—не спросятъ... боязно, въ первой то...»—прошептала она и отвернулась отъ меня...

Прошелъ мѣсяцъ... Въ это время въ моей жизни произошла перемѣна: я поступилъ въ контору и началъ безбѣдную жизнь... Хотя жалованье мое и позволяло мнѣ имѣть хорошую квартиру и столъ, но отъ Вавиловыхъ я не ушелъ... До сихъ поръ не знаю, что меня влекло къ нимъ: добрый-ли, честный ремесленникъ, чистоплотная-ли хлопотунья хозяйка или голубыя глазки Маши, нарѣдка забѣгавшей «съ мѣста» навѣстить насъ... Машѣ жилось хорошо: барыня добрая, даритъ ее часто, барышня все молчитъ, да ходитъ по комнатѣ... Удалось нѣсколько и пообтесаться Машѣ: она уже не та «тетеха», какой оставила ее натурщица, она теперь довкая, веселая, живая горничная богатаго дома; у ней и подруги все хорошія: Саша—у предсѣдателя экономкой, а Катинька—при холостомъ одинокомъ старичкѣ замѣсто барыни орудуетъ... Весело, съ рѣзвымъ двичьимъ смѣхомъ, разсказывала она намъ о своемъ житьѣ-бытьѣ, какъ она служитъ, какъ ее любитъ барыня, какъ она дала плюху губернаторскому лакею и сказала: «вы невѣжа! необразованный! и вамъ еще и не такъ задну вдругорядь, коли свои галуфоти не оставите!» и какъ такой послѣ уже на приставалъ къ ней съ «каплиментами»... Да, порядочно развлекъ Маша: теперь ужь ей не хочется, подтыкань платье, помогать матери, мыть полъ или, засучивъ рукава, шнуровать грязное бѣлье въ поганомъ корытѣ...

— А что-же, Маша, вамъ не скучно, не боязно теперь одной у чужихъ людей?—спросилъ я ее.

— Что вы! да разнѣ можно скучать намъ—горничнымъ? Тутъ не до скуки: цѣлый день то барышнѣ, то барину служи, а вечеромъ, когда господъ нѣтъ, идешь къ подругѣ, аи такъ «просвѣжиться» подолъ фартука выйдешь... тутъ къ тебѣ всякіе кавалеры съ каплиментами пристаютъ, а ты отмахиваешься... Смѣху-то съ три ко-

роба... Гдѣ тутъ скучать!...—бойко, разнѣно отвѣтила мнѣ Маша...

Вавиловы были довольны, что ихъ Машутка служитъ, что барыня у ней хорошая, Первое жалованье она принесла все и отдала Дарьѣ Петровнѣ. Та распластилась за квартиру, а отецъ съумѣлъ смастерить своей дочкѣ такія франтовскія туфельки, въ которыхъ щеголяютъ только модницы. Маша любила отца, любила и мать, но мать была нѣсколько строга съ ней, и это обстоятельство всегда въ сердце дѣвушки боязнь: она не была откровенна съ матерью. Вавиловъ велъ трезвый образъ жизни. Никогда я не видѣлъ его выпившимъ, а въ его разговорахъ не было и намека на то, что онъ когда набудь былъ пьянъ. Всегда ровный, спокойный, простоватый, онъ невольно привлекалъ къ себѣ. Серьезный взглядъ его рѣдко отвлекался отъ работы; говорилъ онъ мало, но за то, если начнетъ говорить о своихъ путешествіяхъ отъ Т. до И., то, право, заслушь...

— «...Пришли, будемъ говорить, поздно... часовъ въ семь или какъ поранѣе... Дарья? Какъ звали того... помнишь... что еще тебѣ о Кіевѣ говорилъ?..

— Пахомомъ звали... Пахомъ Никитичъ!

— Ну, будемъ говорить, Пахомъ, или такъ иначе какъ, будемъ говорить, и говоритъ: «давай-же напишемъ ему письмо», увѣдомленіе, къ примѣру; только, скажемъ опять, ему... по гражданскимъ надо-ть, потому онъ, будемъ говорить, такой себѣ... изъ простыхъ... И написали... Написалъ то кто, Дарья?

— Да, кто? Вотъ и я забыла!..

— Эхъ, память ваша! короче заячьего буднъ говорить, хвоста... Только, къ примѣру, ну, хошь-бы ты, аль-бо я написалъ—эфто все равно... ну, пришли мы это... сейчасъ это чаю... и пошла...»

И пойдетъ въ этомъ родѣ, черезъ часъ по ложкѣ, разсказывать о томъ, о семъ, а больше ни о чемъ...

Дарья Петровна была скромная, но строгая женщина. Много ей пришлось перенести горя въ чужихъ людяхъ до тѣхъ поръ, пока ее сироту взялъ за себя Вавиловъ. Она была отмѣнная хозяйка и умѣла даже изъ скудныхъ припасовъ сдѣлать вкусное

Digital Library (repository)
© Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

бернія: Харьковскую, Екатеринославскую и Донскую область, въ которомъ проектируется поставить на первую очередь открытіе трехъ средне техническихъ училищъ съ горнозаводской и химической спеціальностью.

— Въ видахъ развитія и поддержанія кустарнаго производства, въ министерствѣ государственныхъ имуществъ разрабатывается въ настоящее время вопросъ объ учрежденіи должностей кустарныхъ техниковъ, которые будутъ замѣщаться лицами, получившими высшее техническое образованіе. Съ тою же цѣлью рѣшено, при открытіи съ будущаго года кустарныхъ выставокъ, выдавать кустарямъ за лучшіе экспонаты, вмѣсто денежныхъ наградъ и медалей—необходимые для нихъ инструменты, въ которыхъ кустари сильно нуждаются, а нерѣдко и не знаютъ, гдѣ можно пріобрѣтать подобныя орудія.

— Съ настоящаго учебнаго года плата за ученіе воспитанниковъ въ классическихъ гимназіяхъ увеличена съ 60 на 70 руб. въ годъ.

Москва. На дняхъ вернулся изъ своего девяти-мѣсячнаго путешествія профессоръ Московскаго университета В. А. Тихоміровъ. Онъ ѣхалъ съ научною цѣлью Азію и Америку. В. А. Тихоміровъ привезъ съ собою богатыя ботаническія и фармакогностическія коллекціи.

— Организаціонный комитетъ по устройству очередного съѣзда натуралистовъ въ Москвѣ ожидаетъ возвращенія А. П. Богданова для выработки правилъ съѣзда, которыя значительно разнятся отъ правилъ предшествовавшаго съѣзда и нынѣ представлены на усмотрѣніе высшей власти. При составленіи ихъ, комитетъ имѣлъ въ виду сохранить связь между съѣздами и такимъ образомъ подготовить преобразованіе ихъ въ постоянное учрежденіе, частью схожее съ недавно учрежденнымъ обществомъ русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова.

Пенза. Библіотека и большая коллекція картинъ покойнаго генералъ-лейтенанта Н. Д. Селиверстова поступила въ собственность вновь учреждаемой, въ память его губернаторства въ Пензѣ, рисовальной школы.

Архангельскъ. Запрещеніе вывоза ржи изъ Россіи встрѣчаетъ шведское правительство, которое до сихъ поръ получало отъ насъ хлѣбъ черезъ бѣломорскіе порты. Оно сдѣлало недавно нашему министерству иностранныхъ дѣлъ запросъ, не распространяется ли запрещеніе о вывозѣ ржи и на порты Бѣлаго моря. До сихъ поръ, впрочемъ, изъ портовъ этого моря ржи вывозилось очень мало, и главный экспортъ составлялъ овесъ. Въ самый моментъ опубликованія закона о запрещеніи вывоза ржи, въ Архангельскѣ находилось не болѣе 15,000 пудовъ зерна и муки. Однако за послѣднее время въ Архангельскъ стали отправляться громадные транспорты хлѣба, съ очевидною цѣлью вывезти его черезъ архангельскій портъ заграницу. Въ виду этого, министерство иностранныхъ дѣлъ отвѣтило на запросъ, что русское правительство не имѣетъ въ виду распространить запрещеніе на вывозъ ржи въ порты Бѣлаго моря, если только размѣры экспорта не превысятъ количества, вывозимаго въ прежніе, нормальные годы.

Калуга. На дняхъ рабочіе и служащіе калужскихъ мастерскихъ Сызрано-Вяземской дороги постановлено отчислять до августа будущаго года ежевѣсячно при полученіи жалованья изъ заработанныхъ денегъ, отъ 2 до 4 к. съ рубля, въ помощь голодающему населенію. Съ тою же цѣлью идетъ подписка между служащими въ другихъ отдѣлахъ дороги, число которыхъ довольно значительное, такъ какъ Сызрано-Вяземская дорога простирается до 1,400 верстъ.

Харьковъ. Въ Харьковѣ, по словамъ мѣстныхъ «Губ. Вѣдом.», ходятъ слухи, будто богатый помѣщикъ В. положилъ въ банкъ 130 тысячъ руб., для обезпеченія существованія труппы Н. К. Садовскаго и, кромѣ того, передалъ послѣднему на руки значительную сумму денегъ, которая должна быть употреблена на нужды труппы при открытіи ею зимняго сезона.

Екатеринославль. Екатеринославское губернское земство ходатайствуетъ предъ правительствомъ о томъ, чтобы на всѣхъ хлѣбныхъ базарахъ были устроены для навѣшиванія хлѣба правительственные вѣсы, для устраненія разныхъ злоупотребленій при взвѣшиваніи.

Симбирскъ. О степени нужды въ хлѣбѣ въ Симбирской губерніи пишутъ въ «Волжск. Вѣстн.»: что дѣлается теперь въ селахъ и деревняхъ,—мы, горожане, можемъ отчасти судить хотя по немногимъ, но очень краснорѣчивымъ извѣстіямъ, доходящимъ къ намъ изъ уѣздовъ. Недавно въ канцелярію губернатора доставлены образцы хлѣба изъ лебеды, которымъ питается до 1,800 семей Корсунскаго уѣзда. Теперь въ инспиціонномъ управленіи находится цѣлая коллекція этихъ образцовъ, особенно много изъ Буинскаго уѣзда. Это не черный, а зеленовато-синій, на видъ, хлѣбъ: о его составѣ можно судить по присланной смѣси, изъ коей предполагается въ будущемъ мѣшать муку и печь хлѣбъ. Эта смѣсь въ горсти зеленыхъ и черныхъ шариковъ лебеды заключаетъ не болѣе 30—40 ржаныхъ зеренъ. А вотъ и еще картина, наводящая на грустныя размышленія. Изъ подъ горы, отъ пристани, ежедневно тянутся обозы телѣгъ, нагруженныхъ рожью. Это—крестьяне разныхъ уѣздовъ, преимущественно Буинскаго и Ардатовскаго, везутъ запасадлыя сѣмянныя ссуды, выдаваемыя губернской земской управой. Количество этихъ безпрерывно тянущихся телѣгъ надо считать ежедневно не десятками, а сотнями. На вопросъ: «чѣмъ питаться будете?» крестьяне боятся даже отвѣчать. По ихъ словамъ, поля Алатырскаго и Ардатовскаго уѣздовъ представляютъ настоящія пустыни. При страшной дорогизнѣ овса, искусственно поднятой спекуляціями и доходящей до небывалой еще нигдѣ цѣны, 93—94 коп. пудъ и маломъ сборѣ соломы, бѣдному деревенскому люду кормить скотъ буквально нечѣмъ, и потому теперь на каждомъ базарѣ приходится видѣть массу крестьянскихъ лошадей, продающихся за безцѣнокъ. Лишь на дняхъ мы были свидѣтелями такой грустной сцены. Привелъ мужикъ продавать свою лошадь и запросилъ за нее всего лишь 1 р. 30 к., а барышники предложили за лошадь 60 к. Бѣднякъ прослезился, перекрестился, снялъ съ лошади узду и сказалъ: «ну, милая, ступай, куда тебѣ хочется!»—пустилъ ее на всѣ четыре стороны.

Кіевъ. Въ кіевской судебной палатѣ разбиралось недавно, по словамъ «Недѣли», слѣдующее дѣло. Въ Ортѣ, въ наварѣ, умеръ въ тюрьмѣ арестантъ Драшковъ, оказалось при вскрытіи, что у него переломано 12 реберъ въ 14 мѣстахъ и остались слѣды страшныхъ побоевъ. Сторожа сознались, что они, по приказанію смотрителя тюрьмы Морозова, колотили арестанта палками и камнями, завязанными въ тряпки, и что въ тюрьмѣ подобнаго рода побои для поддержанія порядка были обыкновеніемъ. Палата приговорила 6 человѣкъ сторожей въ каторгу, а смотрителя Морозова, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, въ Тобольскую губ. на жительство. Отъ показаній обвиняемыхъ и свидѣтелей на судѣ волосъ становился дыбомъ. Морозовъ былъ оставленъ на свободѣ до вступленія рѣшенія въ законную силу, но онъ нашелъ для себя удобнѣе мѣсто путешествія этапомъ, бѣжавъ и, вѣроятно, тоже утекъ въ Америку, куда раньше того бѣжалъ одинъ его родственникъ, спасаясь отъ Сибири. А какой онъ былъ образцовый смотритель по отзыву мѣстнаго начальства!

ЗАГРАНИЧНАЯ ХРОНИКА.

Германія. По прибытіи императора Вильгельма II изъ Мюнхена въ Кассель, гдѣ его ждала императрица Августа-Виктоpія, областной сеймъ далъ по дворцу обѣдъ въ честь императорской четы. Отвѣчая на привѣтственную рѣчь вице-президента сейма, Мальсбурга, императоръ сказалъ: «Я привыкъ сюда прямо изъ Баваріи. Какъ и тамъ, я и здѣсь встрѣтилъ восторженный пріемъ, свидѣтельствующій о вѣрноподданническихъ чувствахъ германскаго народа. Каждый разъ пріѣзжая въ Кассель, я испытываю совершенно особое душевное волненіе. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, ибо въ ранней моей молодости я провелъ здѣсь три съ половиною года. Въ моей памяти особенно врѣзалось вступленіе въ въ этотъ городъ въ первый разъ въ 1871 г. вмѣстѣ со штабомъ моего покойнаго родителя и съ побѣдоносными гессенскими войсками. Съ тѣхъ поръ мнѣ пришлось взять на себя тяжелую отвѣтственность. Я буду слѣдовать по стопамъ моихъ предковъ и буду стоять за интересы германскаго народа какъ внутри государства, такъ и внѣ его. Увѣряю гессенское населеніе въ неустанномъ королевскомъ моемъ попеченіи о немъ, и надѣюсь, что народъ поможетъ мнѣ исполнить мой долгъ, какъ внутри государства, такъ и въ случаѣ борьбы съ внѣшнимъ врагомъ. Пью за благоденствіе гессенской области и ея представителей».

— По свѣдѣніямъ «Kolnische Zeitung,» законопроектъ противъ злоупотребленія спиртными напитками разсматривается въ настоящее время отдѣльными союзными правительствами Германіи, и нѣкоторыя изъ нихъ намѣрены представить возраженія противъ основныхъ принциповъ, на которыхъ построенъ законопроектъ.

Швейцарія. Въ Бернѣ, какъ извѣстно, будетъ засѣдать съ 9-го по 14-е сентября второй международный конгрессъ по страхованію рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ. Недавно выпущенное швейцарскимъ комитетомъ приглашеніе къ участію въ этомъ конгрессѣ гласитъ: «Программа преній конгресса чрезвычайно разнообразна. Значительное число выдающихся референтовъ уже работаетъ надъ составленіемъ докладовъ, которые, насколько это окажется возможнымъ, будутъ напечатаны и розданы на конгрессѣ. Различные комитеты кромѣ того еще постараются привлечь сотрудничество другихъ лицъ, наиболѣе компетентныхъ въ областяхъ, соприкасающихся съ несчастіями при работѣ, такъ что на конгрессѣ не только будутъ обсуждаться всѣ важнѣйшіе вопросы, но и въ ряду его референтовъ будутъ представлены всѣ выдающіяся страны. Значеніе программы преній въ связи съ возрастающимъ интересомъ, какой придаютъ столь сложному вопросу несчастій при работѣ, какъ въ парламентскихъ сферахъ, такъ и въ средѣ работодателей и рабочихъ, даетъ основаніе расчитывать на большое число участниковъ конгресса въ Бернѣ». Въ теченіе конгресса будутъ происходить ежедневно по два засѣданія, причемъ дообѣденныя будутъ посвящены рефератамъ о положеніи вопроса о несчастныхъ случаяхъ, а послѣобѣденныя—болѣе спеціальнымъ вопросамъ различнаго свойства. Участіе въ конгрессѣ получается по уплатѣ 10 фр., идущихъ на покрытіе расходовъ по печатанію отчетовъ, доставка которыхъ будетъ производиться безплатно. Число участниковъ конгресса до сихъ поръ простирается уже до 250.

Австрія. Въ Вѣнѣ ходятъ слухи, что вслѣдствіе появившейся въ газетахъ перепечатки брошюры баронесы Вечера отпостепательно мейерлингской драмы австрійское правительство рѣшило попудить баронесу удалиться съ австрійской территоріи.

— Приготовленія къ большой международной музыкальной и театральной выставкѣ, имѣющей открыться въ Вѣнѣ въ 1892 г., приняли уже, какъ сообщаетъ «Neue Freie Presse», довольно значительные размѣры. Въ очень многихъ городахъ образовались комитеты, которые дѣятельно пропагандируютъ въ пользу участія въ этомъ интересномъ предпріятіи. Образовавшійся недавно въ Голландіи комитетъ подъ предсѣдательствомъ барона де-Касенброота обратился къ главному выставочному комитету съ заявленіемъ, что Голландія будетъ участвовать не только посылкою въ Вѣну большихъ коллекцій старыхъ инструментовъ и манускриптовъ, но также и присутствіемъ своихъ артистовъ. Эта труппа поставитъ въ выставочномъ театрѣ голландскія народныя пьесы, а также познакомитъ публику съ лучшими голландскими пѣсними. Король Альбертъ саксонскій и великій герцогъ веймарскій обѣщали почетной предсѣдательницѣ выставки, княгинѣ Меттернихъ, что ихъ государства будутъ выдающимся образомъ представлены.

— При посѣщеніи французскимъ консуломъ въ Фіумѣ выставки въ Загребѣ устроена была торжественная манифестація въ честь Франціи и Россіи: оркестръ заигралъ Марсельезу, при громкихъ кликахъ публики: «Да здравствуетъ Франція, другъ русскихъ братьевъ!». Консулъ благодарилъ манифестантовъ.

Англія. Британскимъ и иностраннымъ библейскимъ обществомъ распространеніе св. Писанія, со времени открытія своихъ дѣйствій, т. е. съ 1804 года, употреблено, какъ видно изъ послѣдняго отчета, болѣе 10 мил. фунтовъ стерлинговъ (100 мил. руб.) на переводъ, печатаніе и распространеніе св. Писанія.

— «Monchester Guardian» сообщаетъ, что въ началѣ будущей сессіи нѣкоторые члены палаты общинъ намѣрены возбудить вопросъ о недопущеніи къ присутствію въ засѣданіяхъ парламента, на трибунахъ для публики, дамъ, въ виду того, что онѣ «слишкомъ шумно ведутъ себя».

— Вице-король Индіи занятъ въ настоящее время приготовленіями къ отправкѣ въ Кабулъ военно политической миссіи. Въ Симлѣ находятъ что необходимо во что-бы то ни стало нейтрализовать неблагопріятное для Англіи впечатлѣніе, произведенное во всемъ Афганистанѣ извѣстіемъ о сближеніи Россіи съ Франціей. Согласія эмира еще не получено, но въ Лондонѣ почти увѣрены въ томъ, что онъ не откажется принять англійскую миссію. Переговоры по этому предмету дѣятельно продолжаются.

— Англійскую печать очень интересуетъ русская экспедиція на Памиръ. Она констатируетъ, что нынѣшняя попытка пройти черезъ Памиръ и достигнуть перевала черезъ Гиндукушъ обѣщаетъ, повидимому, увѣнчаться лучшимъ успѣхомъ, чѣмъ предшествующая. Въ «Агенствѣ Рейтера» телеграфируютъ отъ 25-го августа (6-го сентября), что нѣтъ вооруженныхъ силъ, но они распологаетъ русская экспедиція, туземные князьки отказались отъ принятаго ими было рѣшенія загородить русскимъ перевалы черезъ Гиндукушъ. Южанѣ послѣднихъ русскимъ будетъ не особенно трудно вступить въ сношенія съ жителями Когистана и Кафиристана, которые причиняютъ не мало хлопотъ кабульскому эмиру.

Франція. Въ Шуази-Ле-Руа, гдѣ похороненъ Руже де-Лиль, готовится къ праздновнію столѣтія «Марсельезы». Въ комитетѣ по устройству празднества предсѣдательствуетъ Карно и участвуютъ всѣ французскіе министры. Во всѣ города Франціи, имѣющіе не менѣе 4,000 жителей, разсылается циркуляръ съ приглашеніемъ принять участіе въ празднествѣ.

Швеція. Шведскія газеты сообщаютъ, что извѣстный всему техническому міру заводъ «Мотала» объявилъ себя несостоятельнымъ должникомъ. Работы, однако, продолжаются, и есть надежда, что составиться новое акціонерное общество, при участіи лицъ, владѣющихъ значительными капиталами. Въ послѣднее время на заводѣ строилось значительное число разнаго вида пароходовъ для Россіи.

Сѣв.-Америк. Соед. Штаты. Изъ Нью-Іорка сообщаютъ въ «Frankf Zeit.», что извѣстная поборница за равноправность обоихъ половъ, Сузанна Антони, уже долгое время дѣятельно агитируетъ въ пользу того, чтобы, подобно университетамъ и академіямъ на западѣ и сѣверо-западѣ штатовъ, и высшія учебныя заведенія на востокѣ принимали въ число своихъ полноправныхъ слушательницъ соотвѣтственно подготовленныхъ женщинъ. И если въ наиболѣе выдающихся высшихъ учебныхъ заведеніяхъ страны, въ «Harvard College» и въ «Vale College», ей покуда еще неудалось добиться осуществленія своей мечты, зато ей болѣе посчастливилось въ «University of Rochester» въ штатѣ Нью Іоркъ, который согласился выстроить новыя великолѣпныя университетскія зданія, гдѣ учащіеся обоего пола могли бы вмѣстѣ слушать лекціи профессоровъ и вмѣстѣ работать въ лабораторіяхъ и секціонномъ залѣ.

Китай. Смуты въ Китаѣ усиливаются и захватываютъ все большее пространство. Начавшись въ приморской области Кіанъ-Хаисъ, гдѣ существуютъ многочисленныя іезуитскія колоніи, смуты распространились сперва на область Кіанъ-Си, потомъ на область Ху-Пэ, главный городъ которой Ханъ-Коу былъ недавно театромъ грубыхъ насилій надъ миссіонерами и ихъ имуществомъ. Подобные же факты повторяются, какъ навѣщаетъ телеграфъ, въ Ишангѣ. Ишангъ находится на разстояніи пяти сутокъ плаванія отъ Ханъ-Коу, но, къ сожалѣнію, уровень воды въ Янъ-цзе-Кіангѣ такъ теперь низокъ, что иностранныя суда не могутъ доходить до этого города. Командиръ одной англійской канонерки послалъ туда отрядъ матросовъ. Большая часть христіанскихъ миссій и колоній принадлежитъ ордену францисканцевъ и образуетъ три викаріата, два итальянскихъ и одинъ голландско-бельгійскій.

— Но мимо того, какъ движеніе разростается, становится все очевиднѣе, что оно поддерживается старо-китайскою партіею, питающую непримиримую ненависть къ манджурской династіи и покровительствуемымъ ею европейцамъ. Принадлежащіе къ этой партіи мандарины коварно эксплоатируютъ бѣдствія, причиненныя разливами Янъ-цзе-Кіанга, чтобы возстановить дикую и неизвѣстную китайскую чернь противъ иностранцевъ.

СПРАВОЧНЫЯ СВѢДѢНІЯ.

Именной списокъ недоставленныхъ телеграммъ въ Томской Почтово-Телеграфной конторѣ.

До востребованія: Кононовичъ, изъ Иркутска, Сибирякову—Тобольска, Ворошину—Мустанинской, Талаевскому—Петербурга, Хаизову—Москвѣ, Нейманку—Перчинска, Быстренинской—Петербурга, Мотовилову—Іевлевой, Калиановичевой—Бирюсскъ, Патушинскому—Тулуна, Петрову—Самары, Табенщиковой—Иркутска, Березовскому—Кузнецка, Протасову—Калуги, Давыдову Ивану—Иркутска, Черныхъ—Енисейска, Демидовой—Москвы, Рубинштейну—Верхнеудинска, Давидову—Иркутска, Шкалову Ивану—Благовѣщенска, Мясниковой—Казани и Головину—Красноярска.

За выѣздомъ: Крайбиху изъ Кіева, Рижакову—Тюмени, Сутоньскому—Кузнецка, Вертолетову—Житомира, Гаврилозскому—Тюмени, Кешлову—Б. Кельтм, Кутугову—Тюмени, Шварцъ—Варшавы и Хейсину Леонтію—Енисейска.

За неромскаліемъ: Росецкому, инженеру, изъ Самары, Блонскому—Иркутска, Лунцу Антону—Іевлевой, Васильеву—Красноярска, Доронину Ивану—Берска, Брегцину—Перми, Ковалеву—Околоя, Демидовой Елизаветы—Москвы, Новоселову—Тобольска, Коновалову—Тюмени, Жировой—Марінска, Ютусъ—Барнаула, Сичугову—Тюмени, Сяпрову—Шадринска и Вакину Филиппу—Тюмени

Служебныхъ: Кузнецовой—изъ Іевлевой.

блюдо, умѣла она и приберечь денёжку на черный день. У Вавиловыхъ не было много, но рублей 50—60, кровныхъ рублей, накопилось на днѣ сундука съ имуществомъ... Эти деньги не тратились: ихъ берегли...

Еще протянулся мѣсяцъ... Прошла Свѣтлая недѣля. Въ лѣсу зашебетали ранніе птицы, оклевшая почки. Солнце привольно грѣло землю, кое гдѣ уже зеленѣла первая травка, мѣстами темный снѣгъ еще не растаялъ, но ручейки уже стремительно мчались и будили большую рѣку. Скоро и она возгорнетъ, сломитъ ледяныя покровы и понесетъ барки, пароходы, лодчонки. Скоро на ея пустынныхъ берегахъ появятся люди и затянутъ «Дубинушку»... Какъ легко и вольно дышется весной... Люблю и это чудное время, этотъ пышный расцвѣтъ земли.

Я часто уходилъ за городъ. Въ это время въ семействѣ Вавиловыхъ чаще и чаще сталъ появляться какой-то господинъ, одѣтый прилично, скромный, молодой... Мнѣ сказали, что онъ служитъ на пріискахъ и потому еще не уѣхалъ въ тайгу, что его жена хвораетъ, хозяина нѣтъ и денегъ достать не знаетъ гдѣ.. Все это таинственно сообщала мнѣ Дарья Петровна.

Разъ какъ-то я вернулся домой изъ лѣса раньше обыкновеннаго, хотѣлъ отдохнуть, но нельзя было: у Вавиловыхъ сидѣлъ тотъ господинъ, которому надо ѣхать на пріиска, и еще какая-то женщина.

— «Это, Владиміръ Павловичъ, мои, будемъ говорить, знакомые... они съ пріисковъ... такъ рядъ, что вы пришли... вотъ къ примѣру, присовѣтуйте,» сказалъ мнѣ Вавиловъ и подалъ какой-то футляръ. Я взглянулъ на Вавилова и понялъ все.. Роковая страсть къ наживѣ, присущая всему живому, закралась въ сердце моего сапожника и онъ жадными глазами слѣдилъ за мной, пока я выпинялъ и разсматривалъ золотой, массивный перстень съ бриллiантомъ.

— «Вотъ, они, будемъ говорить, просятъ эфтотъ перстень взять на время за 60 рублей, деньги вѣрныя... и ужъ обѣщалъ, только вотъ васъ, къ примѣру, хочу спросить: стоитъ-ли?» шепталъ мнѣ Вавиловъ.

Я ничего не посовѣтовалъ. Какое мнѣ дѣло? Вещь видимо хорошая, но это его знаетъ! Я сказалъ, что лучше всего пойти къ ювелиру, тѣмъ болѣе, что пробы на перстнѣ не было. Но незнакомецъ пріисковой ловко отклонилъ этотъ совѣтъ и черезъ нѣсколько времени уже пропадался съ Вавиловымъ.

— «Это и не забуду, добрѣйшій Василій Семеновичъ!... за эти 60 рублей—я, какъ пріѣду на пріиски, вышлю намъ 80...Только не продавайте... Увѣряю, что черезъ не дѣлю вы получите... До свиданія! Благодарю васъ!» Незнакомецъ и дама скрылись. Вавиловъ стоялъ посреди комнаты и вертѣлъ въ рукахъ перстень, любуясь игрой камня, а Дарья съ какимъ то новымъ выраженіемъ лица смотрѣла черезъ плечо мужа на пріобрѣтенное сокровище, словно хотѣла сказать: «вотъ и отлично... мы знаемъ, гдѣ раки-то зимуютъ!».

Вечеромъ мы усѣлись за самоваръ. Вавиловъ былъ веселъ, шутилъ съ женой и, обращаясь ко мнѣ, проговорилъ:

— «Вотъ и намъ, къ примѣру будемъ говорить, удалось цвыкашей съ 20 заработать... этотъ не назуетъ, я его знаю...»

Отпили чай... Стемнѣло... Огня добывать было рано и не хотѣлось: пріятно въ полутьмѣ погасшаго дня полежать и помечтать о суетѣ мірской... Мысли мои летѣли куда-то, сердце было спокойно, легко дышалось послѣ лѣсной прогулки...

Вдругъ, наше полудремотное состояніе разбудилъ, часовъ въ 8, стукъ въ дверь... Дарья Петровна отворила, и въ испугѣ отступила назадъ... На порогѣ стоялъ квартальный и понятые.

— «Ты—Василій Вавиловъ?»—спросилъ квартальный стражъ.

— «Я!»—отозвался сапожникъ, и смертельная блѣдность покрыла его лицо... Дарья, съ зажженной свѣчей, стояла рядомъ съ квартальнымъ...

— «Это твои дочь жила у судьи въ горничныхъ?.. Марьей звать?»—снова заговорилъ квартальный.

— «Мои, ваше благородіе!»—неясно прошепталъ Вавиловъ...

— «Сегодня, въ пять часовъ вечера, у судьи совершена дерзкая кража: изъ передней унесли платье лѣтнее и нижнее—на 300 съ лишнимъ рублей. Подозрѣніе надо на твою дочь, которая арестована, а я получилъ распоряженіе обыскать твой домъ»...

Безъ слова, словно подкошенный, на деревянномъ полу растянулся Вавиловъ... Дарья судорожно вздрагивала, но крѣпилась и во все время обыска свѣтила понятымъ, только произнесла ничего не могла... Тщательно осмотрѣвъ квартиру и дворъ сложенка, квартальный закурилъ папиросу, проговорилъ что-то понятымъ и уѣхалъ... Увраденнаго въ квартирѣ Вавилова не оказалось... Не стану описывать мучительныхъ волненій моихъ хозяевъ: горе было слишкомъ глубоко, утѣшать было нечѣмъ! Вавиловы молча горевали, навѣщали Машу въ грязномъ подвалѣ кутузки, поспали ей пищи, утѣшали... Слѣдствіе шло быстро... Но я твердо вѣрилъ, что Маша невинна, что это ошибка, что она не можетъ совершить подобнаго преступленія...

Прошла горькая недѣля... Вавиловъ исхудалъ, постарѣлъ этотъ жестокаго душевнаго страданія... Съ пріисковъ денегъ не слали, Маша томилась подъ арестомъ, работать не было силъ... Наконецъ супруги рѣшили продать перстень и дать взятку квартальному... Пошелъ Василій Семеновичъ къ жиду, взялъ съ собой перстень... Дарья и я ждали его, долго, нетерпѣливо посматривая въ окно...

Скрипнула дверь и Вавиловъ пошелъ въ горницу. Я никогда не видалъ его такимъ: лицо было почти черныхъ, глаза блестѣли какъ-то зловѣще, губы были стиснуты и нервная дрожь то и дѣло пробѣгала по осунувшемуся лицу.. Дарья Петровна испуганно слѣдила, пока онъ раздѣвался и вынимая изъ кармана футляръ...

«Будь проклято все!.. Какось, будемъ говорить, фальшивый, кольцо изъ кострюли мѣдной вышло... Цѣна и жизни эфтой, и всему—грошъ!»...—проговорилъ Вавиловъ сердито и опустился около своего рабочаго столика... Ударъ нанесенъ нѣтко... мы молчали, слово не шло въ такую минуту... Дарья Петровна собрала что-то въ узелокъ и со словами: «въ Машѣ», вышла изъ дому... Я лежалъ на своей постели и ломалъ голову, чѣмъ и какъ помочь горю моихъ хозяевъ...

— «Машенька! Маша! Голубушка! Осрамили тебя! Пропадешь ты ни за грошъ, ни за копѣйку... а ужъ я... что-жь, къ примѣру, долженъ дѣлать?...—уныло шепталъ Вавиловъ.

Мнѣ тяжело было сидѣть и слушать о горѣ, которому помочь я былъ безсиленъ... Одинашись, я пошелъ безъ цѣли, въ какомъ то чаду гулять по пустынныхъ улицамъ города.. Мысли одна черные другой душили меня... я готовъ былъ плакать... плакать горькими, добрыми слезами...

Не знаю, долго-ли я ходилъ по улицамъ, но только тогда повернулъ домой, когда ночь уже слетала на землю и полумракъ окутывалъ городскія зданія... Подходу къ дому—толпа народа, полиція, говоръ, шумъ...

— «Что такое?»—спросилъ я у кого-то.

— «Да ты что? Очумѣлъ что-ли? Здѣсь живешь, а не знаешь, что твой хозяинъ задавился?»—отвѣтили мнѣ..

Я пошелъ, и горькая правда предстала во всей своей наготѣ: надъ кроватью висѣлъ Василій Семеновичъ.. Сыроватый ремень крѣпко перехватилъ его горло... лицо раздулось посинѣло, языкъ былъ въ крови, руки неестественно согнуты... Дарья Петровна стояла передъ квартальнымъ и что-то говорила... Лицо ея было спокойно, взглядъ горѣлъ какой-то отчаянной увѣренностью.. Квартальный писалъ актъ...

Съ тѣхъ поръ я бѣжалъ изъ города, гдѣ перенесъ самъ горе и видѣлъ мрачныя картины жизни.. Года три я шаталъ, какъ вѣчный жидъ, не зная покоя, не умѣя направить въ одну сторону свои молодыя, буйныя силы... Судьба опять начала улыбаться я и опять возвратился въ покинутый городокъ.. Воспоминанія цѣлымъ роемъ кишѣли предомной, Мнѣ хотѣлось узнать, гдѣ Маша, гдѣ Дарья Петровна, какъ устроились они? Двигаемый этимъ желаніемъ—я вышелъ пройтись по главной улицѣ... Темная, осенняя ночь уныло пахнула мнѣ въ лицо.. Фонари тусклo горѣли... шелъ мелкій, надоѣдливый дождь...

— «Проводите меня, господинъ!»—раздался около меня надтреснутый голосъ.. Я вздрогнулъ: голосъ былъ знакомый мнѣ..

— «Неужели это вы, Маша?!»—невольно вскричалъ я, узнавъ въ дѣвушкѣ дочь Вавилова...

— «Боже! знакомый! Вы откуда, Владиміръ Павловичъ, какими вѣтрами въ нашу непогодь занесло?»

Я горько улыбнулся, подалъ ей руку... Мы пошли въ гостиницу.. Маша была хороша собой: только румянецъ ея ослѣпительная бѣлизна казались мнѣ фальшивыми, но глаза все также были свѣтлы: ихъ не испортила разгульная жизнь...

Послѣ распросовъ о пустяхъ, Маша задумчиво оперлась на руку своей головкой и тихо начала свой разсказъ.

— Меня выпустили не скоро... Пока судили, да рядили, да допознали—я уже успѣла вдоволь настрадаться. Отца я не видѣла, какъ хорошаго... Наконецъ меня выпустили: ужъ, говорятъ, мало, и какія же могутъ быть улики, когда и не виновата была... Теперь и вора нашли, и я все, да для меня ужъ нѣтъ возврата... и привыкла гулять!.. Изъ полиціи я пришла къ матери... пожила съ ней недѣлю... тошно стало: мѣста не даютъ: «ты еще, обворуешь», говоритъ, а мать кричитъ: «сама виновата... отца въ могилу свела...» Вотъ и пошла я на промыселъ... Вы думаете легкій этотъ промыселъ?.. Вотъ онъ до чего довелъ меня: посмотрите какъ, и исхудала подурнѣла:—вѣдь эти румянцы—бѣлила, эта бѣлизна—пудра... Эхъ! дайте мнѣ выпить... и вѣдь и пить стала... легче, какъ запьянѣешь-то... «Мать бранитъ,» выпишь вина прибавила она уже весело, «да мнѣ что? плевать... она... стрянка, а я иногда и барыней бываю... всякому свое».

Она замолчала... Да и о чемъ она могла еще говорить? Я смотрѣлъ на нее съ тоской, и до сихъ поръ еще впечатлѣніе о ней не сглажено время... Часто думаю я о ней, о ея матери, о ея погибшемъ отцѣ... «Удавился сапожникъ»... «погибла и дочь сапожника»...

* * *

Типографія М. Ѳ. Картамышевой въ Томскѣ. Дозволено цензурой 28 сентября 1891 года. Редакторъ-издатель В. П. Картамышевъ.